

Важно: фамилия автора произносится Шипнигов, никак иначе.

Итак, роман «Стрим». Мне рекомендовали эту книгу. Открыл.

Прочитал пять страниц. «Наной стилист хороший», — подумал и закрыл. В центре — бестолковый, ничемный герой, напоминающий главного героя фильма «Пыль». Глупый, тридцатилетний, лысеющий, считающий копейки в «Пятерке». Ничтожество, не понимающее собственной ничтожности. Полная противоположность моим любимым героям — страдающим, прожигающим жизнь, гибнущим и воскресающим, мечущимся. Алексей из «Стрима» — бесстрастное унылое существо. Овощ. Огурец, не снятый вовремя с грядки, — водянистый, желтеющий, перезревший.

Второй подход — через полгода. Услышал фразу: «Через 5 лет Шипнигов будет звездой русской литературы». От него услышал — умолчу. Опять — первые двадцать страниц дались с болью, которая, однако, резко оборвалась и сменилась восторгом, часто перерастающим в редкий мгновенный хохот — когда глазам уже смешно, рот уже не закрывается, а мозг доходит только второй волной, и следует новый приступ хохота.

Под сюжетом, больше подходящим для «мило драмы» (в привычки беру орфографию автора) в духе «Санта-Барбары», скрывается не хор и не сонм, а гвалт голосов тех, кому слово дают редко. Персонажи — разные, такие системы образов принято называть глупым анатомическим словом «срез»: Алексей, безграмотный «нище брод»; одинокий пенсионер, которого одолевает тяга к сексу; девушка Наташа, зачиненная на мужинах и туфлях; девушка Настя, филологическое бездеятельное нечто; хозяйка магазина, где трудится Наташа; ее муж, «изврат», секс-маньяк, который с Наташей переспит; дочь последних двоих, жившая последние годы в Лондоне; родительница Насти, все мечтающая сбегать дочь из дому, чтоб она рожала детей; во второстепенных ролях — охранники, «гоанская» нимфа, шлюхи из сауны,

гастарбайтеры с предгорий Памира и иные обитатели столицы нашей Родины. Мечты их просты — чтоб в магазинах все стоило «недорого и справедливо», чтоб был «кусочек крыши над головой». Квартирный вопрос никто не отменял. Собственно, вроде бы в кадре снова — Шариковы, но иные.

Что же перед нами такое?

1. Прямая речь десятка персонажей, которые находятся в одном сюжетном поле. Мастерство автора — переключая персонажей, сохранить ясность и линейность сюжета. Все это кажется легким и простым, но на деле создание такой гибкой и внятной структуры внутри полифонического приема — это признак мастерства. Следует отметить, что фабула тривиальна, но соответствует характерам, смыслу, языку, и вообще все между собой гармонично.

Эта полифония страсть как хороша: представьте оркестр недоученных музыкантов, играющих на расстроенных инструментах, которые каким-то чудом вместе звучат стройно.

2. Хорошо смонтированная из низких жанров пародия на самые ужасные порождения словесности и речи — вербатим и сетевую письменность. Шипнигов воспроизводит конструкты из мессенджеров, создавая речевые характеристики героев из ошибок, и для каждого героя эти ошибки — свои. Таким образом, тонкая стилизация делает ошибки безошибочными, присвоенными определенному образу характеристиками. Это — великолепно. Но настоящий кайф получаешь, когда видишь, что герои начинают обмениваться своими речевыми находками друг с другом. Они присваивают речь друг друга, и одно это тонко указывает на то, кто и на кого действительно влияет. Шипнигов играет в эту мимикрию и сам получает великое удовольствие. И не меньше он балдеет от того, как разделяется с «вербатимом» — хотя он, наверное, так это про себя не артикулирует. Но я считаю, что ни одна запись живого разговора не будет выглядеть таким достоверным потоком речи сего дня, как незамутненный, кристально idiotичный внутренний монолог Алексея.

3. Роман воспитания в гуманистической традиции. Герои действительно меняются. И, хоть развитие сюжета по центральной линии (любовный треугольник Алексей — Наташа — Настя) незатейливо, автор, рассматривая историю в этической плоскости, на самом деле ведет монолог о гуманизме и, кажется, в конце близок к тому, чтобы встать в тупик. Разъясню: герои Шипнигова или просто безнадежные, или жалкие. Шипнигов дарит речь тем, кто ее не заслуживает, и всю изгаляется над своими персонажами. Как будто в книгу нагнали стаю Шариковых, и они беззащитны перед демиургом. Но автор вынужден протащить героев сквозь «Санта-Барбару» с интригами, страстями, глупостями, зависимостями, изменами, потерей детей, и вдруг — бабах, читатель и автор уже дружно сочувствуют тем, кого поначалу воспринимали как объекты насмешек. И герои даже подтягивают свою речь (причем филологиня Настя упрощает свои надменные энзерсисы, а «нище брод» Леша речь немного вычищает). Затем герои дружно становятся посланниками поколения: блогерами, стендаперами и ноучами. То есть эти говорящие бестолочи обращаются к нам напрямую с экранов. И отчего-то они как-то уж действительно похожи на то, что мы видим

в реальной жизни. Шипнигов успевает дать понять, что коуч Леша успешен, но, конечно, по-прежнему нигде не годится. Но вот отчего успешен — то ли над ним все-таки потешаются миллионы и он человек-мем, то ли ему все же платят серьезные деньги за настоящие «тренинги» — тут сам автор, мне кажется, не определился и потому размыл. Вполне объяснимо: если этот дурачок Алексей достигает успеха всерьез, то дальше нужно начинать новую комедию — о том, как он покоряет страну и она начинает жить по его правилам. Или подводить к тому, что прореха на человечестве так расплзлась, что уже целая страна — сплошная прореха. А это уже — отдельный сюжет. Для Шипнигова же важным было иное: герои, которые не способны выше головы прыгнуть в плане интеллектуальном и даже душевном, вполне могут изменить свои человеческие качества и получают награду. Злым идиотам достаточно чуть-чуть подобреть — такова мораль романа-воспитания: если вначале Алексей с логикой черного риелтора и наивностью пятилетнего полагает, что за покупки из «Пятерки» старик-сосед завещает ему квартиру, то к концу истории Алексей из добрых чувств приводит того, страдающего от отсутствия плотной любви, в притон, а пенсионер, также, уже от всей души, дарит Алексею комнату.

4. Новая история маленького человека. Шаринов ли перед нами? Скорее, все-таки не совсем. Башмачкин ли? И снова — нет. Эллочка-людо-една во всех вариациях? И опять — нет. Новый «маленький человек» в лице главного героя Алексея — это сверхмалый человек. Он туп настолько, что не способен на отчаяние ровно так же, как неспособен к вере и решению уравнений; он столь безнадежен, что одна его неспособность осознать это может вытолкнуть его на следующую ступеньку социальной лестницы. Подобреть, как сказано выше, ему надо чуть-чуть ровно потому, что в таком простом организме малюсенькая перемена — уже эволюция, скачок в развитии. Безусловно, это лишь интерпретация, не истина, но, по мне, Шипнигов абсолютно безжалостен к современному обществу, и поделом.

О слабостях Шипнигова. Они есть, они очевидны, о них надо сказать.

1. Он увлекается своими героями. Найдя однажды удачного героя, не может с ним расстаться, потому что почти в каждого героя засовывает свое, авторское; Шипнигов, как автор-шизофреник, транслирует себя сразу через многих, потому что ни в одного отдельно взятого героя он, конечно, не влазит. Ну а дальше — как же поступить автору, есть он так щедро раздал себя десятку резонеров? Конечно, дать каждому выговориться. Но — местами напрасно. Думаю, мало кому нравятся бесконечные разговоры Анны и Марии, двух путан.

2. Шипнигов жалеет своих героев и не дает им рефлексировать. Самые глупые поступки и самые крутые повороты в судьбах Насти, Алексея и Наташи поданы не их прямой речью. Наверное, это сделано намеренно, чтобы они сами не снизили свои образы в трагических перипетиях, но обратное было бы интереснее (впрочем, это уже вкусовщина, которую я себе позволяю как поклонник творчества Шипнигова).

3. Шипнигов становится пленником своего приема и старается впихнуть в текст все придумки сразу. У него не выходит. Он паникует и все равно всовывает. Это — лишнее, и можно было бы не жадничать.

Поворачивая напоследок, все-таки соглашусь с моим рекоммендателем «Стрима». Шипнигов — будущая звезда русской литературы.